

суммарного объема совершенно несовместимых сторон учебно-тренировочной нагрузки.

Библиографический список

1. Кобринский, М. Е. Легкая атлетика : учебник / М. Е. Кобринский, Т. П. Юшкевич, А. Н. Конников. – Минск : Тесей, 2005. – 567 с.
2. Креер, В. А. Легкоатлетические прыжки / В. А. Креер, В. Б. Попов. – М. : Физкультура и спорт, 1986. – 126 с.
3. Матвеев, Л. П. Основы спортивной тренировки : учеб. пособие для ин-тов физической культуры / Л. П. Матвеев. – М. : ФиС, 1977. – 280 с.

УДК 340.141.78

В. Л. Рожковский

*доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
кандидат философских наук*

ИДЕЯ ПРАВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. Современное общество находится в состоянии радикальной трансформации, затронувшей все социальные институты, в том числе правовые. Постмодерн и будущее идеи права связаны не с защитой институтов модерна, а со становлением межличностного коммуникативного дискурса как социального института. Возможность идеи права как дискурса связана с экзистенциальной свободой человека, его волей к справедливости и духовной свободе.

Современное общество находится на культурно-историческом изломе между модерном и постмодерном, индустриальной и постиндустриальной, информационной цивилизацией. Как в прошлом, так и сегодня со сменой способа присутствия человека в мире («под Богом», в центре мироздания, вовлеченность в дискурс) радикальным образом меняется тип правопонимания. Для доиндустриальной цивилизации характерен космо-, тео- и онтоцентризм правопонимания. Для модерна — антропоцентризм. Идея права информационной цивилизации — открытый вопрос. Наметилось два сценария. Первый — консервативный, связанный со стремлением сохранить статус-кво американско-европейского политико-правового дискурса. Право западной цивилизации — идеал, образец для подражания. Второй сцена-

рий — *межличностный* коммуникативный, в котором речь идет не о сохранении прежних социально-экономических и политико-правовых институтов, а о *процессе формирования* нового типа реальности и правовых взаимоотношений, процессе, в который должны быть вовлечены не избранные, а званые (большинство взрослого населения), о дискурсе, ориентирующемся на идеал «*справедливости*» и «*достинства*», содержание которых уже не связано с институтами модерна, а должно конкретизироваться в новой практике.

Методологической основой статьи является культурно-историческая периодизация: *классика* (классический период), *модерн*, *постмодерн*. В основе этой периодизации *ментальные различия* эпох, связанные с *местоположением* (присутствием) человека в мире, в формирование, рефлексии и переживание которого он вовлечен. Эмоционально-волевая и интеллектуальная настроенность — «означающее», «означающим» которого являются политико-экономические и социокультурные феномены. Ментальность классики и модерна кристаллизовалась в онтологических картинах мира, в сопутствующих им материальных и духовных практиках. Классика и модерн — золотой век философско-правовых доктрин: наличие центров перспективы, конечных причин мироздания, должного и сущего как критериев оценочных суждений — основа естественно-правовых учений.

Периферийное местоположение человека классики обусловило философско-религиозное творение мира, в центре которого персонификации немощи и надежды (мир идей, мировой разум, бог), посторонний мир как бледная тень совершенной реальности или результат грехопадения, труд как наказание и пр. Несмотря на столь незаметное местоположение, человек классики *в потенции* — существо «богоподобное», сопричастное конечным причинам мироздания. *Устремленность* к божественному миру, идеям, определявшая дела, помыслы и чувства жителя полунебес, воплотилась в философско-правовых учениях античности и религиозных естественно-правовых доктринах средневековья.

Антропологический поворот в европейской культуре, связанный с зарождением «духа капитализма», воли к власти над условиями существования, изменил перспективу. Вместо творца — *человек-демиург* — центр перспективы и источник феноменов мира, в том числе правовых. Такое местоположение и мироощущение рождает

иные амбиции и иное естественно-правовое мышление: человек — источник правовых ценностей и носитель свободы (И. Кант); господство над природой и историей в марксистской праксиологии; переоценка всех ценностей и сверхчеловек, воля к власти над жизнью (Ф. Ницше), наконец, космическое предназначение человека в антропологии первой половины XX столетия (М. Шелер, П. де Шарден и др.). Модерн — наиболее плодотворный период в становлении права как формы регламентации возникших социальных отношений, равным образом и философско-правовых рефлексий. Господствующее представление о праве связано, прежде всего, с этим периодом. Право модерна отождествляется с правом как таковым.

Постмодерн позиционирует себя через противопоставление классике и модерну как мир без привилегированных центров перспективы, критериев оценок, должного и сущего. Причем это не только и не столько теоретическое противостояние, но и практическое по всему спектру межчеловеческих отношений, захваченных процессом «хаотизации» («арабская весна», однополые браки, клиповая культура и пр.), в который вовлечен, по сути, весь мир. Реальности без онтологических опор, целеполагания и причинности соразмерна «синергетика» (ее порождение и маркер), претендующая на статус междисциплинарной методологии научного познания. *Порядок из хаоса* — непредсказуемый результат, поскольку подобная трансформация не детерминирована ни божественным провидением, ни действием законов природы и общества, ни ценностями и надеждами трансцендентального субъекта, т. е. порядок чуждый человеческому и божественному измерениям. Хаос — рукотворный (разрушение институтов и смысловых скрепов мира классики и модерна), последствия не предсказуемы. Намерение, однако, управлять, оформативировать хаос на свой лад имеется.

Отсутствие центра перспективы, ценностного измерения феномена мира, равным образом, исчезновение разницы между реальностью и ее изображением подрывают основы естественно-правового мышления прошлого. Тем не менее синергетика приоткрывает новый просвет (между хаосом и порядком) правопонимания, связанный с вовлеченностью в коммуникативный дискурс, в создание и форматирование отношений гиперреальности, в ходе которого должны сформироваться новый тип права и правопонимания, надежда на

межличностный дискурс (за пределами институтов модерна) как новый социальный институт.

Классика, модерн, постмодерн — преимущественно европоцентристская периодизация с более или менее определенными временными границами и чертами. И хотя *историческое время* в других регионах мира течет, как правило, не вписываясь в западные рамки, глобализация (вестернизация) принуждает другие народы считаться с подобной классификацией.

Как и после «смерти Бога», «смерть субъекта» требует переосмысления всей философско-правовой проблематики прошлого на новой основе — *зависимости человека от дискурсов, в которые он вовлечен*. Полемика о праве политизирована как никогда внутри стран и на международной арене, ведь речь идет о доминировании и привилегиях на власть, богатство, престиж. Отсюда две тенденции. Первая — стремление к сохранению статус-кво, свойственное стадии цивилизации (О. Шпенглер), посредством сохранения и агрессивного тиражирования институтов модерна. Во имя «прав человека», торжества права — рукотворное «столкновение цивилизаций» и его трагические последствия для лиц, народов, стран, культуры, права. Вторая тенденция — надежда на коммуникативный дискурс как на новый социальный институт, дискурс, ориентирующийся на идеал «справедливости» и «достоинства».

Модерну мир обязан *политико-правовым дискурсом*, в рамках которого вызревала идея правового государства. Идея, сущностью и содержанием которой стал прогресс *понятия* «свобода», а наличным бытием — экономические и социально-политические институты индустриальной цивилизации. Возникло право как форма регламентации складывающихся буржуазных социально-ролевых отношений. Гегель раньше прочих осознал пределы «исторического разума»: *конец истории* — это *исчерпание всех потенций* начинания, их резюме в последней ступеньке *наличного бытия*. Германский мир, западная цивилизация и ее политико-правовые институты — осуществленная возможность антропологического поворота, но и место, где угас порыв: стадия цивилизации, тело социума покинутое духом, угроза себе и миру (О. Шпенглер); «одномерное общество» (Г. Маркузе). Наконец, «симулякр», институты модерна продолжают существовать без предпосылок своего возникновения как коды тиражирования одного и того же (Ж. Бодрийяр).

Культура и цивилизация — контексты правопонимания, определяющие трактовку права и его проблематику. Становлению, культуре присуща «идея права» (прогресс понятия свободы) как процессы, по отношению к которым нет зависимости, а имеет место вовлеченность. Позитивное право, уходящие корнями в социум государство, интересы, принадлежат разобщенному миру цивилизации и стоят на страже социального статус-кво. Коллизия естественного и позитивного права — конфликт культуры и цивилизации.

Постмодерн, трансформация — стадия культуры, в которой отсутствуют привычные для цивилизации модерна оппозиции объекта и субъекта, мысли и мыслимого, должного и сущего. *Захватченность дискурсом*, но не зависимость от институтов, кодов модерна, тиражируемых по всему миру, — особенность наших дней и ткань формирующейся культуры.

Ситуация типична для начинаний, под покровом борьбы идей крот истории делает свое дело и не торопится на авансцену заявлять о своих правах. Так, в прошлом, в тени противостояния науки и религии сформировалось третье и четвертое сословия, которым не было дела ни до борьбы идей, ни до картин мира, сословия, своим противостоянием положившие начало политико-правовому дискурсу модерна. Новое начинание — время самозванцев, с одной стороны, подобных третьему-четвертому.

Закат модерна и новая волна — смутные времена для идентификации изображений, сообщений: ростки ли это будущего или агония тела цивилизации? Идентификации событий не способствует и естественная для рефлексий модерна интеллектуальная привычка смотреть на мир через призму «единства и борьбы противоположностей». Она *уместна* для стадии цивилизации, отсылая к скрытым сущностям, сторонам и замыслам истории, к интерпретациям, но не способствует формированию оптики, соразмерной *становлению* зарождающейся социальности.

Два men.a перед алтарем, ребенок в казенном доме при адекватных родителях, беженцы и пр. — посланцы будущего, *триумф свободы и права*? Или жертвы симулякра, метастаз политико-правовой машины в сфере приватного, сугубо личного, последнего прибежища *личности*, человеческих отношений и морали? Формализация межличностных отношений, обнуление моральных регуляторов обернулось «циническим разумом» (П. Слотердаjk), его мимикрией под

свободу слова и самовыражения (Шарли, награда фотожурналисту, снявшему убийство посла, за «ироничность взгляда» и т. д.).

Каковы же перспективы идеи права в условиях «смерти бога и субъекта», в период *становления* постмодерна и едва ли не полной неопределенности как относительно ментальности нового начинания (дело рефлексий заднего числа), так и поприща, где востребовано право, и востребовано ли оно?

Очевидно, будущее права не связано с институтами модерна, в них нашла приют несправедливость (социально-политическое неравенство и привилегии нового, не сословного типа). Там же, где удалось навязать институты представительной демократии другим народам, помимо гражданских войн, имеет место обычная *профанация* некогда великих европейских ценностей. Не связано будущее и с «альфа и омега» модерна — «свободой выбора», прорывом в сравнении со средневековьем, но ставшей инструментом герметизации социума, цивилизации, закрепившей *рабство* (человек — средство в руках другого человека), *господство* (выборы господ не устраняют господства), наконец, *зависимость* от творцов информации (Г. Маркузе). В этом корни политического безумия последних десятилетий — «экспорта демократии». Ради самосохранения клан «наместников творца» готов поставить, и поставил на карту судьбы всего мира. Без кривых зеркал («врагов демократии» и «божественного призвания») у симулякра нет будущего, а рукотворное «столкновение цивилизаций» — преступление и ничего более.

Экзистенциальный бунт середины XX столетия против отмеренного социумом удела (А. Камю) не угас, а, утратив теоретический радикализм, трансформировался к концу века в политико-правовое требование *признания и уважения достоинства личности. Признание личности* (предмета terra incognita для пропитанного позитивизмом социума) и уважение ее достоинств не по чину (социальному статусу) — вызов правопорядку модерна. Суть бунта-требования не в «свободе выбора», а в свободе по отношению к цивилизации модерна в целом, его институтам, механизмам, ролям. Конечно, исторический бунт не чета метафизическому, но основа общая — экзистенциальная свобода (никем не дарованная) по отношению к социуму как таковому, в ней залог будущего. С подобного рода бунтом связано будущее права не как симуляции, а как процесса законотворчества (центральное звено в механизме социальной интеграции), целью которого явля-

ется справедливое общество посредством *межличностного* коммуникативного взаимодействия большинства взрослого населения (Ю. Хабермас). Категория «справедливость» (не «свобода выбора») вновь на переднем плане правопонимания, поскольку институты модерна — лишь исторический паллиатив нравственного требования, но не сама справедливость. Они «гуманнее» средневековых институтов, но вне этого контекста «справедливее» не значит «справедливые». Это понятие не свойство, присущее имеющимся институтам, а одно из *процедурных условий*, термин, которому еще только предстоит обрести смысл в рамках этического дискурса. Не менее важное условие — духовное раскрепощение, суждения участников должны быть мотивированы не социальным положением, этнической, религиозной принадлежностью, истиной в конечной инстанции и пр., а целью — личной заинтересованностью в справедливом обществе и участием в этом начинании (Ю. Хабермас).

При таком прочтении правовой человек, *субъект права* — это тот, кто непосредственно вовлечен в перманентный процесс формирования правовой реальности, раскрытия идеи, смысла права за пределами устоявшихся и узаконенных социально-ролевых отношений цивилизации модерна (субъекты права — представители власти, объекты — подданные).

Подобная перспектива идеи права не пожелание, а необходимость, заряженные на конфронтацию «представители электората» уже спровоцировали великое переселение народов, терроризм, очередную холодную войну и гонку вооружений с непредсказуемыми последствиями.